

Вадим Фадин

Снег для продажи на юге

Р
О
М
А
Н

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Ф15

Фадин В.

Ф15 Снег для продажи на юге / Вадим Фадин. — СПб. : Алетейя, 2010. — 336 с. — (Серия «Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы»).
ISBN 978-5-91419-289-8

Действие романа «Снег для продажи на юге» происходит на ракетном полигоне в 60-е годы. Его герои — первые испытатели-ракетчики — молодые, только что окончившие вузы, инженеры, фанатики своей романтической мужской работы. Попав из тёплых московских домов в жёсткие условия полигона, они не замечали трудностей быта, но стихийно уже начинали противиться косным правилам существующей системы. И всё-таки главным в жизни этих одержимых юношей оказалась любовь...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-91419-289-8

9 785914 192898

© Вадим Фадин, 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

От автора

Книгу, нуждающуюся в пояснениях, нужно переписывать заново. Предисловия годятся для другого: например, к «Снегу для продажи на юге» – для оправдания не сюжета, а медлительности автора, из-за которой рукопись пролежала в столе едва не четверть века.

Ещё молодой стихотворец, я в начале 60-х не оставлял службы, связанной с долгими командировками; дома я проводил времени меньше, нежели на ракетном полигоне. Рассказывать об этой стороне своей деятельности было строго запрещено, и мне приходилось выдумывать легенды – бесполезные, оттого что каждый непосвящённый всё-таки мог приблизительно представить себе, чем может заниматься выпускник авиационного института, то вдруг исчезавший без следа, то не вовремя щеголявший в Москве азиатским загаром. Кое о чём догадывался даже такой несведущий в железе человек, как поэт Павел Антокольский. Догадывался – и удивлялся: «Ты знаешь то, чего не знает никакой другой писатель на свете – почему же не пишешь об этом?» Я только разводил руками, потому что хотя и пробовал – *об этом*, но такие стихи не хотели слагаться; я и по сей день убеждён, что техника и поэзия – несовместны. Мэтр, однако, всё повторял свой вопрос, так что мне и самому становилось неловко перед собою: в самом деле, отчего же – знаю, а не пишу? И если не я, то кто? Уступая, я решил обратиться к прозе и, начав писать всего лишь рассказ, через пару лет поставил точку – в романе.

На беду, опубликовать его я долго не решался: действие книги происходило на секретном полигоне, и неясно было, не запрещена ли для оглашения даже и сама тема. Роман всё лежал в столе, и я только время от времени возвращался к нему, постепенно изымая опасные подробности, а заодно и отделявая слог. Только спустя годы мне показалось, что настало время пойти с ним по редакциям.

Одно почтенное московское издательство отнеслось было к «Снегу для продажи...» благосклонно, однако радоваться было рано: мне поставили условие, я знал – невыполнимое: опубликовать в толстом журнале хотя бы одну главу из романа, то есть,

пройдя там цензуру, создать прецедент. Ради неизвестного автора редакторы не собирались ложиться на амбразуру; теперь, оглядываясь в недобрые времена, я понимаю, что такая жертва была бы напрасной: секреты секретами, но у меня, говоря словами Андрея Синявского, с советской властью были, кроме прочих, ещё и стилистические разногласия. Я всё же пытался что-то возразить, зря доказывая, что если в тексте и мелькает военная техника, то безнадёжно устаревшая: шёл восемьдесят четвёртый год, а мои герои жили на деньги, существовавшие до денежной реформы – шестьдесят первого; военные тайны за двадцать с лишком лет должны были б обесцениться так же, как и старые рубли. В ответ на такие доводы редактор ткнул пальцем в случайно подвернувшееся слово «бетонка».

– Ну и что? – не понял я. – Заверните в любую деревню, и бетонкой окажется дорога от правления колхоза до коровника.

– Э, нет! Для любого цензора это – бетонная дорога стратегического назначения, и вы его не переубедите.

– Если уж ракету можно назвать в книге ракетой, то кусок шоссе?..

– Не ищите тут логики, а представьте, что всё это доказываете не вы мне, в дружеской беседе, а я – цензору.

В толстые журналы я тогда вхож не был, и рукопись осталась ждать лучшей поры.

Когда ещё через двадцать лет я встретился с этим редактором – он пригласил меня на презентацию своего романа, тоже, кстати, невозможного при былой власти, – вдруг оказалось, что он помнит ту сцену в издательстве всю до последнего слова – до «бетонки».

Я подумал, что мне нужно вернуться к старой рукописи. И когда наконец это сделал, то увидел, что копия стоило тогда ломать совсем не из-за недолговечных тайн. Ведь сохраняется только, как писал Владимир Даль, сознание о былом.

*Берлин
Июнь 2009 г.*